

МАРИАННА ВОЛКОВА

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

там жили поэты...

ШУБАЛОВО

СПб

МАРИАННА ВОЛКОВА
СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

ТАМ ЖИЛИ ПОЭТЫ...

"ЗВЕЗДА"

Санкт-Петербург
1998

В 67

Волкова М., Довлатов С.

«Там жили поэты...» — СПб.: АОЗТ «Журнал «Звезда», 1998. — 112 с.

ISBN 5-7439-0040-X

ББК 84.Р7

Фотографии Марианны Волковой

Текст Сергея Довлатова

Послесловие Андрея Арьева

**Автор графического оформления
в стиле «астроконструктивизм» Вадим Воинов**

Фото на обложке Анатолия Шишкова

© Волкова М., фото, вступит. заметка, 1998.

© Довлатов С. (наследники), 1998.

© Арьев А., послесловие, 1998.

© Воинов В., графич. оформл., 1998.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ЭТОМ АЛЬБОМЕ

Это — второй мой фотоальбом с текстами Сергея Довлатова. Первый назывался «Не только Бродский», он вышел в конце 1988 года в Нью-Йорке. Историю его создания описал сам Довлатов в предисловии к этому изданию. Естественно, там все выдуманно. На самом деле все происходило по-другому. Как именно — сейчас уже несущественно. Существенно другое: этот альбом, задуманный и осуществленный как бы между делом, оказался некоей вехой — и для меня, и для Довлатова.

Довлатову очень хотелось опубликоваться в России. Время было, как мы помним, смутное, переходное. И в Москве, где у Довлатова в тот период были уже ревностные поклонники, для его «советского» дебюта выбрали тексты именно из нашей совместной книги. Вместе с моими фотографиями. Они появились — как водится, не без закулисной борьбы — в номере «Недели», приложении к газете «Известия», от 1 апреля 1989 года. И тут же возникли и стали обсуждаться планы московской публикации всей книги.

Довлатов этим был весьма воодушевлен. Мы говорили с ним о том, что получилось, по Искандеру, «интересное начинание, между прочим». И хорошо бы его продолжить. В воздухе плавали различные идеи. Одной из них был фотоальбом под названием «Там жили поэты». Стихотворение Блока, откуда эти слова взяты, Довлатову нравилось. И вот почему.

Во-первых, оно читается, как во многом автобиографическое — и для самого Довлатова, и для многих его друзей и современников (которые и мыслились героями этого нового фотоальбома). Затем, при всей внешней бравате этих стихов Блока, они глубоко сентиментальны. Хотя Блок и сообщает о поэтах, казалось бы, ужасные вещи: и пьяницы-де они, и циничные болтуны, и бабники, и рвет их под утро, — на самом-то деле он смотрит на них сквозь романтические стекла. Он их любит. Это качество в высшей степени свойственно и Довлатову. В этом читатель может убедиться, перелистывая альбом. Его удалось выпустить только сейчас. Я отобрала для него новые фотографии. Некоторые тексты Довлатова, сохранившиеся в моем архиве, тоже публикуются впервые.

Альбом этот посвящается памяти Сергея Довлатова. Потому что (цитирую его предисловие к первой нашей книге) «память, изящно выражаясь, — это единственная река, которая движется наперекор течению Леты».

Марианна Волкова

ПОЭТЫ

*За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, — и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.*

*Напрасно и день светозарный вставал
Над этим печальным болотом:
Его обитатель свой день посвящал
Вину и усердным работам.*

*Когда напивались, то в дружбе клялись,
Болтали цинично и пряно.
Под утро их рвало. Потом, запершись,
Работали тупо и рьяно.*

*Потом вылезали из будок, как псы,
Смотрели, как море горело.
И золотом каждой прохожей косы
Пленялись со знанием дела.*

*Разнежась, мечтали о веке златом,
Ругали издателей дружно.
И плакали горько над малым цветком,
Над маленькой тучкой жемчужной...*

*Так жили поэты. Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть, — хуже
Твоих ежедневных бессильных потугов,
Твоей обывательской лужи?*

*Нет, милый читатель, мой критик слепой!
По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе ж недоступно все это!..*

*Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцей,
А вот у поэта — всемирный запой,
И мало ему конституций!*

*Пушкой я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, —
Я верю: то Бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!*

Александр Блок. 1908 г.

MAN HEUWU NOEMU...

ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ

У Аксенова заболели почки. Саша Перуанский рассказывал:

— Я решил позвонить Васе. Подошла Майя. Я начал очень деликатно: «Вася еще подходит к телефону?» Подошел Вася. Я говорю ему: «Не падай духом, старик. У меня был рак почки. Доктор сказал, что года не протяну. В результате почку мне удалили. Я стал импотентом. Но прожил уже четыре года...»

Перуанский закончил:

— Вася так приободрился!

ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ

Алешковский уверял:

«В Москве репетируется балет, где среди действующих лиц есть Крупская. Перед балериной, исполняющей эту роль, стоит нелегкая хореографическая задача. А именно, средствами пластики выразить — базедову болезнь».

АНДРЕЙ АРЬЕВ

Моя жена спросила Арьева:

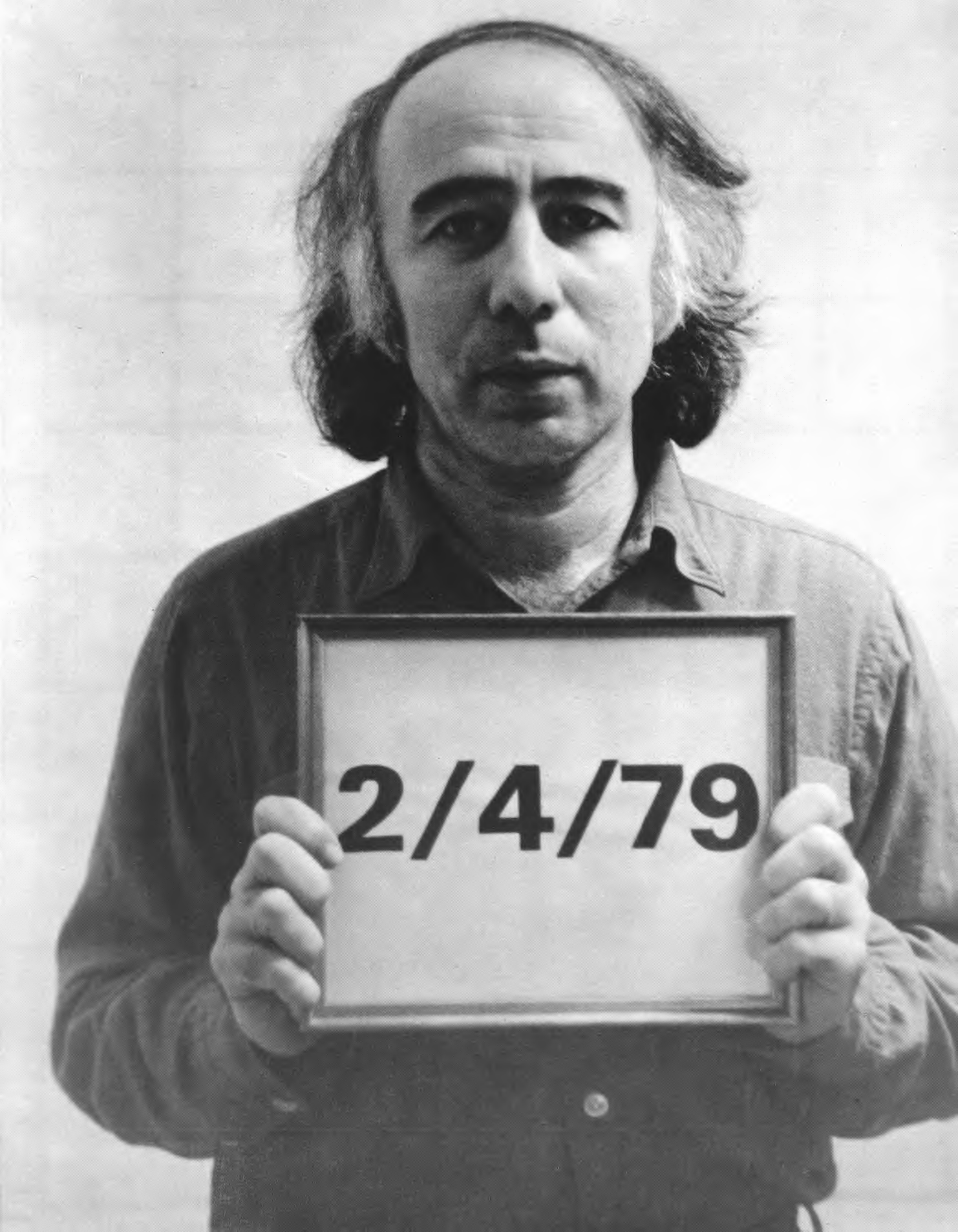
— Андрей, я не пойму, ты куришь?

— Понимаешь — сказал Андрей, — я закуриваю, только когда выпью. А выпиваю я беспрерывно. Поэтому многие ошибочно думают, что я курю.

ВАГРИЧ БАХЧАНЯН

Бахчанян говорил, узнав, что я на диете:
— Довлатов худеет, не щадя живота своего.

2/4/79

АНДРЕЙ БИТОВ

Битов и Цыбин поссорились в одной компании. Битов говорит:

— Я тебе, сволочь, морду набью!

Цыбин отвечает:

— Это исключено. Потому что я — толсто-вец. Если ты меня ударишь, я подставлю другую щеку.

Гости слегка успокоились. Видят, что драка едва ли состоится. Вышли курить на балкон.

Вдруг слышат грохот. Забегают в комнату. Видят — на полу лежит окровавленный Битов. А толстовец Цыбин, сидя на Битове верхом, молотит его пудовыми кулаками.

ДМИТРИЙ БОБЫШЕВ

Лида Потапова говорила:

— Мой Игорь утверждает, что литература должна быть орудием партии. А я утверждаю, что литература не должна быть орудием партии. Кто же из нас прав?

Бобышев рассердился:

— Нет такой проблемы! Что тут обсуждать? Может, еще обсудим — красть или не красть в гостях серебряные ложки?!

ПЕТР ВАЙЛЬ И АЛЕКСАНДР ГЕНИС

Вайль и Генис ехали сабвеем. Проезжали опасный, чудовищный Гарлем. Оба были сильно выпившие. На полу стояла бутылка виски. Генис курил.

Вайль огляделся и говорит:

— Сашка, обрати внимание! Мы здесь страшнее всех!

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Какой-то американский литературный клуб пригласил Андрея Вознесенского. Тот читал стихи. Затем говорил о перестройке. Предваряя чуть ли не каждое стихотворение, указывал:

«Тут упоминается мой друг Аллен Гинсберг, который присутствует в этом зале!»

Или:

«Тут упоминается Артур Миллер, который здесь присутствует!»

Или:

«Тут упоминается Норман Мейлер, который сидит в задних рядах!»

Кончились стихи. Начался серьезный политический разговор. Вознесенский предложил — спрашивайте. Задавайте вопросы.

Все молчат. Вопросов не задают.

Тот снова предлагает — задавайте вопросы. Тишина.

Наконец поднимается бледный американский юноша.

Вознесенский с готовностью к нему поворачивается:

— Прошу вас. Задавайте любые, самые острые вопросы. Я вам отвечу честно, смело и подробно.

Юноша поправил очки и тихо спросил:

— Простите, где именно сидит Норман Мейлер?

ВЛАДИМИР ВОЙНОВИЧ

Приехал из Германии Войнович. Поселился в гостинице на Бродвее. Понадобилось ему сделать копии. Зашли они с женой в специальную контору. Протянули копировщику несколько страниц. Тот спрашивает:

— Ван оф ич? (Каждую по одной?)

Войнович говорит жене:

— Ирка, ты слышала? Он спросил: «Войнович?» Он меня узнал! Ты представляешь? Вот это популярность!

СОЛОМОН ВОЛКОВ

Соломон Волков написал книгу «Чайковский по Баланчину». Книга вышла по-английски, имела успех. В ней приводились любопытные сведения о Чайковском.

Исключительная тяга к музыке обнаружилась у Пети Чайковского в раннем детстве. Он готов был просиживать за роялем круглые сутки. Родители не хотели, чтобы он переутомлялся. Запрещали ему играть слишком много.

Тогда он начинал барабанить по стеклу. Однажды так увлекся, что стекло разбилось. Мальчик поранил руку...

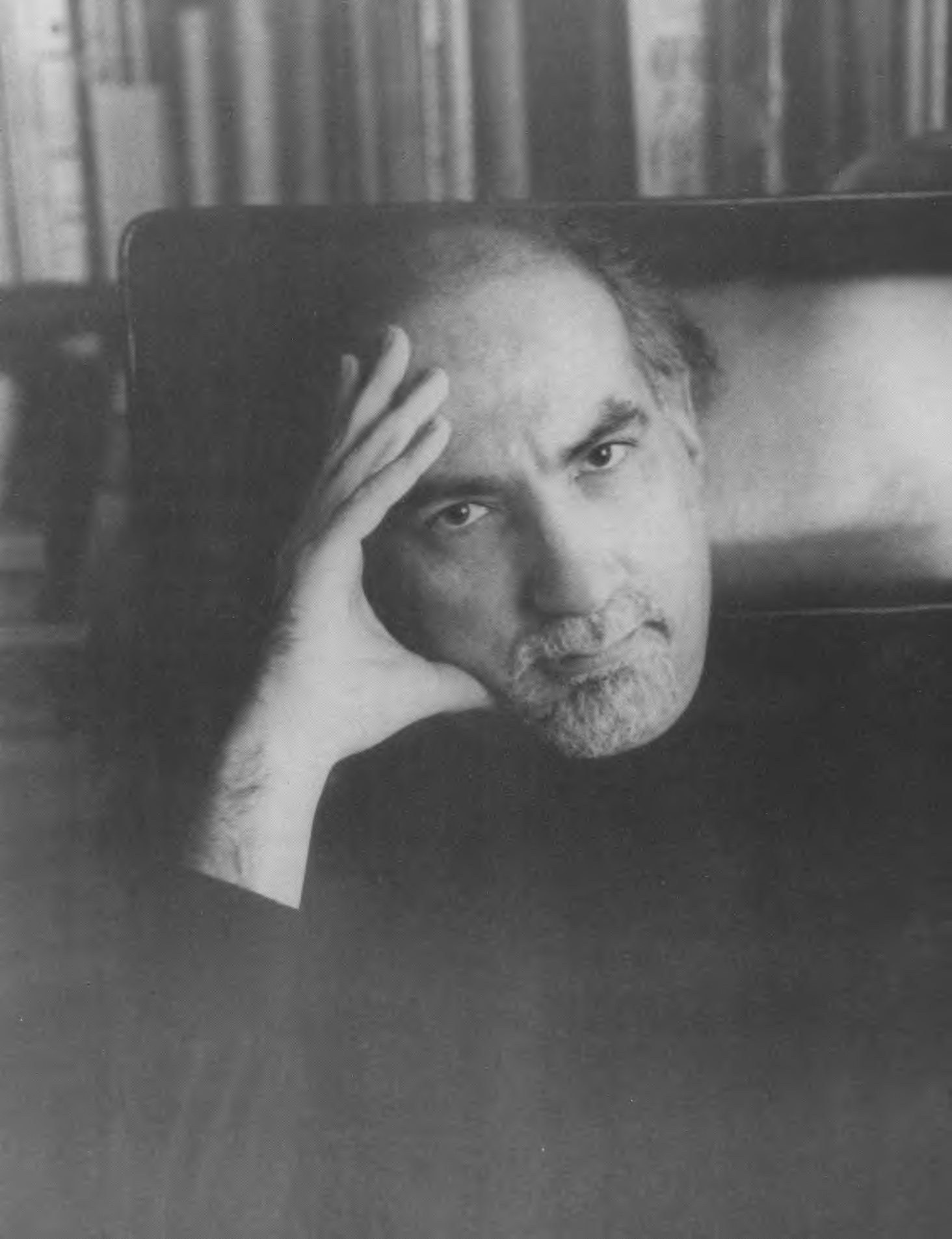
Волков преподнес экземпляр своей книги знаменитому Горовицу. Был совершенно уверен, что маэстро ее не прочтет. Поскольку Горовиц, как многие великие художники, был занят исключительно собой.

И вот однажды с Горовицем беседовали журналисты. И Горовиц сказал:

— В детстве я готов был просиживать у рояля круглые сутки. Родители не хотели, чтобы я переутомлялся. Запрещали мне играть слишком много. Тогда я начинал барабанить по стеклу. Однажды так увлекся, что стекло разбилось. И я поранил руку...

Волков, рассказывая эту историю, почти ликовал:

— Значит, он все-таки прочитал мою книгу!

НАТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ

У Горбаневской двое чудных сыновей. Старший — Ярослав, а младшего, если не ошибаюсь, зовут Иосиф. Хотя именно старший очень напоминает Иосифа Бродского. Ахматова, увидев его младенцем, воскликнула:

— Как похож на Осю!

Найман добавил:

— Все ангелы похожи на Бродского...

Короче, это сходство породило довольно много разговоров. Причем не всегда академического свойства.

Покойный Губарев на этот счет высказывался:

— Ты же знаешь, как Горбаневская восхищается Иосифом!.. Могло получиться что-то вроде непорочного зачатия...

ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ

Встретил я однажды поэта Горбовского.
Слышу:

— Со мной произошло несчастье. Оставил в такси рукавицы, шарф и пальто. Ну, пальто мне дал Ося Бродский, шарф — Кушнер. А вот рукавиц до сих пор нет.

Тут я вынул свои перчатки и говорю:

— Глеб, возьми.

Лестно оказаться в такой системе — Бродский, Кушнер, Горбовский и я.

На следующий день Горбовский пришел к Битову. Рассказал про утраченную одежду. Кончил так:

— Ничего. Пальто мне дал Ося Бродский. Шарф — Кушнер. А перчатки — Миша Барышников.

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Лет тридцать назад Евтушенко приехал в Америку. Поселился в гостинице. Сидит раз в холле, ждет кого-то. Видит, к дверям направляется очень знакомый старик: борода, измятые штаны, армейская рубашка.

Несколько секунд Евтушенко был в шоке. Затем он понял, что это Хемингуэй. Кинулся за ним. Но Хемингуэй успел сесть в ожидавшее его такси.

— Какая досада, — сказал Евтушенко швейцару, — ведь это был Хемингуэй! А я не сразу узнал его!

Швейцар ответил деликатно:

— Не расстраивайтесь. Мистер Хемингуэй тоже не сразу узнал вас.

МИХАИЛ ЕРЁМИН

Это произошло в Ленинградском театральном институте. Перед студентами выступал знаменитый французский шансонье Жильбер Беко. Наконец выступление закончилось. Ведущий обратился к студентам:

— Задавайте вопросы.

Все молчат.

— Задавайте вопросы артисту.

Молчание.

И тогда находившийся в зале поэт Ерёмин громко крикнул:

— Келе ре тиль? (Который час?)

Жильбер Беко посмотрел на часы и вежливо ответил:

— Половина шестого.

И не обиделся.

ИГОРЬ ЕФИМОВ

Шли выборы руководства Союза писателей в Ленинграде. В кулуарах Минчковский заметил Ефимова. Обдав его винными парами, сказал:

— Идем голосовать?

Пунктуальный Ефимов уточнил:

— Идем вычеркивать друг друга.

27

АЛЕКСАНДР КУШНЕР

Раньше все презирали Евтушенко с Вознесенским за то, что они не вылезают из-за границы, а теперь выяснилось, что и тихому Александру Семеновичу нравится конвертируемая валюта.

ЭДУАРД ЛИМОНОВ

Бахчанян сообщил мне новость:
— Лимонов перерезал себе вены электрической бритвой!

ЛЕВ ЛОСЕВ

Лосев приехал в Дартмут. Стал преподавать в университете. Местные русские захотели встретиться с ним. Уговорили его прочесть им лекцию. Однако кто-то из новых знакомых предупредил Лосева:

— Тут есть один антисемит из первой эмиграции. Человек он невоздержанный и грубоватый. Старайтесь не давать ему повода для хамства. Не сосредоточивайтесь целиком на еврейской теме.

Началась лекция. Лосев говорил об Америке. О свободе. О своих американских впечатлениях. Про евреев — ни звука. В конце он сказал:

— Мы с женой купили дом. Сначала в этом доме было как-то неуютно. И вдруг на территории стал появляться зайчик. Он вспрыгивал на крыльцо. Бегал под окнами. Брал оставленную для него морковь...

Вдруг из последнего ряда донесся звонкий от сарказма голос:

— Что же было потом с этим зайчиком? Небось подстрелили и съели?!

ВЛАДИМИР МАКСИМОВ

Владимир Максимов побывал как-то раз на званом обеде.

Давал его великий князь Чавчавадзе. Среди гостей присутствовала Аллилуева. Максимов потом рассказывал:

— Сидим, выпиваем, беседуем. Слева — Аллилуева. Справа — великий князь. Она — дочь Сталина. Он — потомок государя. А между ними — я. То есть народ. Тот самый, который они не поделили.

ЮННА МОРИЦ

Рассказывают, что на каком-то собрании, перед отъездом за границу, Евтушенко возмутился:

— Меня будут спрашивать о деле Буковского. Снова мне отдуваться? Снова говно хлебать?!

Юнна Мориц посоветовала из зала:

— Раз в жизни объяви голодовку...

ЛЕВ НАВРОЗОВ

Вышел из печати том статей Наврозова.
Открываю первую страницу:
«Пердислобие».

АНАТОЛИЙ НАЙМАН

Звонит Найману приятельница:

— Толечка, приходите обедать. Возьмите по дороге сардин, таких импортных, марокканских... И еще варенья какого-нибудь. Если вас, конечно, не беспокоят эти расходы.

— Совершенно не беспокоят. Потому что я не куплю ни того, ни другого.

БОРИС ПАРАМОНОВ

Боря Парамонов говорил о музыковедѣ Ш. :
— Вот смотри. Гениальность, казалось бы,
такая яркая вещь, а не сразу распознаешь. Убо-
жество же из человека так и прет...

ВАЛЕРИЙ ПОПОВ

Валерий Попов сочинил автошарж. Звучал он так:

«Жил-был Валера Попов. И была у Валеры невеста — юная зеленая гусеница. И они каждый день гуляли по бульвару. А прохожие кричали им вслед:

— Какая чудесная пара! Ах, Валера Попов и его невеста — юная зеленая гусеница!

Прошло много лет. Однажды Попов вышел на улицу без своей невесты — юной зеленой гусеницы. Прохожие спросили его:

— Где же твоя невеста — юная зеленая гусеница?

И тогда Валера Попов ответил:

— Опротивела»!

ЕВГЕНИЙ РЕЙН

Женя Рейн оказался в Москве. Поселился в чьей-то отдельной квартире. Пригласил молодую женщину в гости. Сказал:

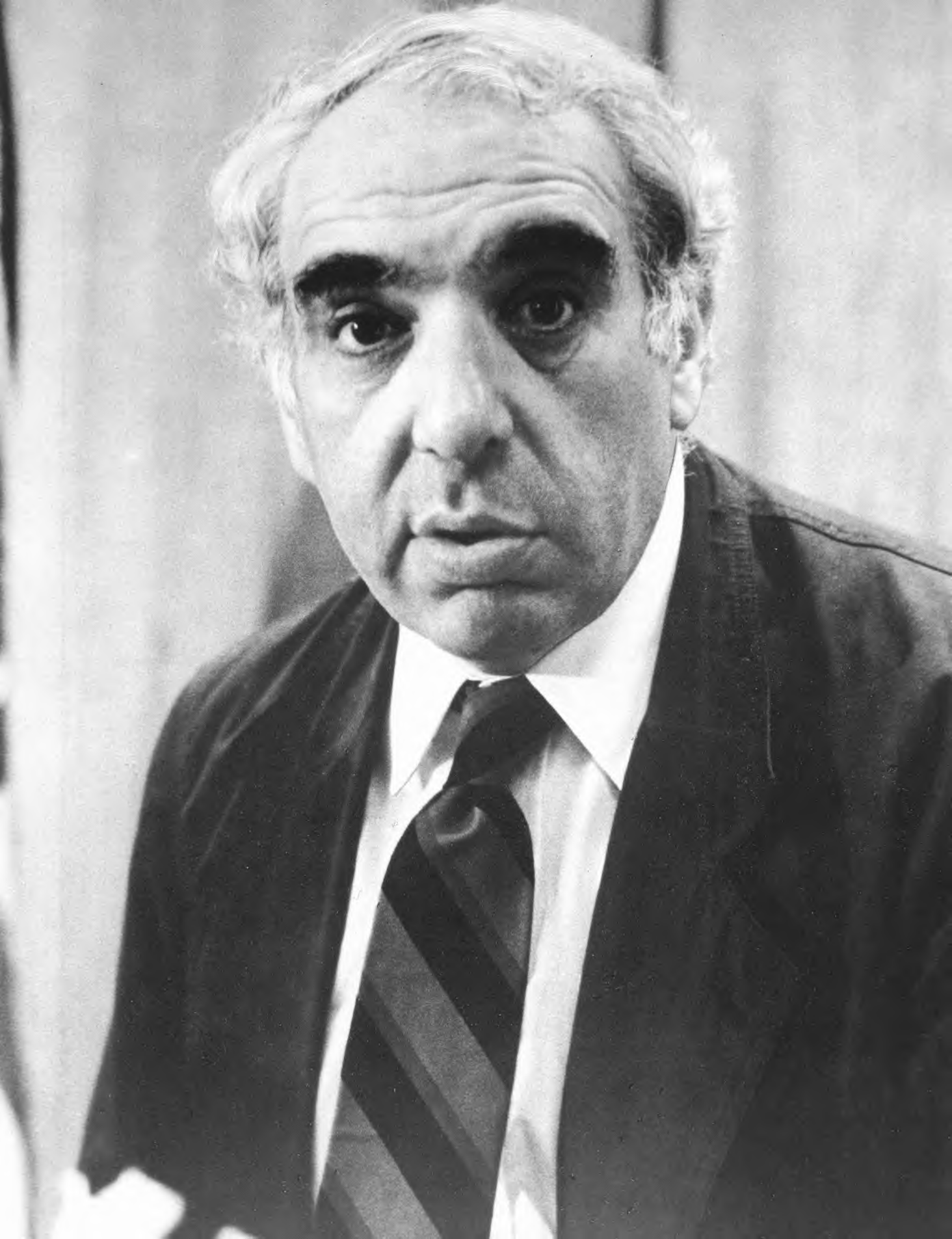
— У меня есть бутылка водки и четыреста граммов сервелата.

Женщина обещала зайти. Спросила адрес. Рейн продиктовал и добавил:

— Я тебя увижу из окна.

Стал взволнованно ждать. Молодая женщина направилась к нему. Повстречала Сергея Вольфа. «Пойдем, — говорит ему, — со мной. У Рейна есть бутылка водки и четыреста граммов сервелата». Пошли.

Рейн увидел их в окно. Страшно рассердился. Бросился к столу. Выпил бутылку спиртного. Съел четыреста граммов твердокопченой колбасы. Это он успел сделать, пока гости ехали в лифте.

АНАТОЛИЙ РЫБАКОВ

Сейчас Анатолий Рыбаков наиболее известный московский прозаик. Автор разоблачительной книги о Сталине. Любопытно, что именно Сталину Рыбаков обязан первым взлетом творческой карьеры. Дело было так.

В молодости Рыбаков был осужден как троцкист. Сидел. Освободился. Написал роман «Водители». Книга была выдвинута на Сталинскую премию. К тому же — первой степени.

Состоялось заседание комитета. Присутствовал Сталин. Книгу Рыбакова представлял Фадеев. Он сказал:

— Прекрасная книга о рабочем классе. Написана хорошим литературным языком...

— Как фамилия? — переспросил Сталин.

— Рыбаков Анатолий Наумович.

Сталин приподнял брови:

— Странно. А вот Берия докладывает мне, что этот Рыбаков — троцкист.

Все замерли. Казалось, судьба Рыбакова предreshена.

Генералиссимус продолжал:

— Выдвигаете троцкиста на Сталинскую премию. Да еще и первой степени. Что будет с нашей литературой?!..

Все дрожат от страха. Кто-то принимает валидол. Кто-то в предынфарктном состоянии. Из толпы функционеров уже раздаются голоса:

— Ошибка, товарищ Сталин... Не досмотрели... Может, это провокация?.. Или даже вредительство?.. Надо выяснить...

А вождь твердит свое:

— Очень странно. Бывшего троцкиста выдвигают на Сталинскую премию. Да еще и первой степени. Кто это придумал?

Все дрожат. Теперь уже и Фадеев обречен.

Генералиссимус вдруг подумал и решительно сказал:

— Не видать ему премии первой степени!

Он сделал паузу и добавил:

— Хватит с него и второй!

АНДРЕЙ СЕДЫХ

Андрей Седых при встрече интересовался:

— Скажите, как поживает ваша жена? Она всегда такая бледная. Мы все за нее так переживаем. Как она?

Я отвечал:

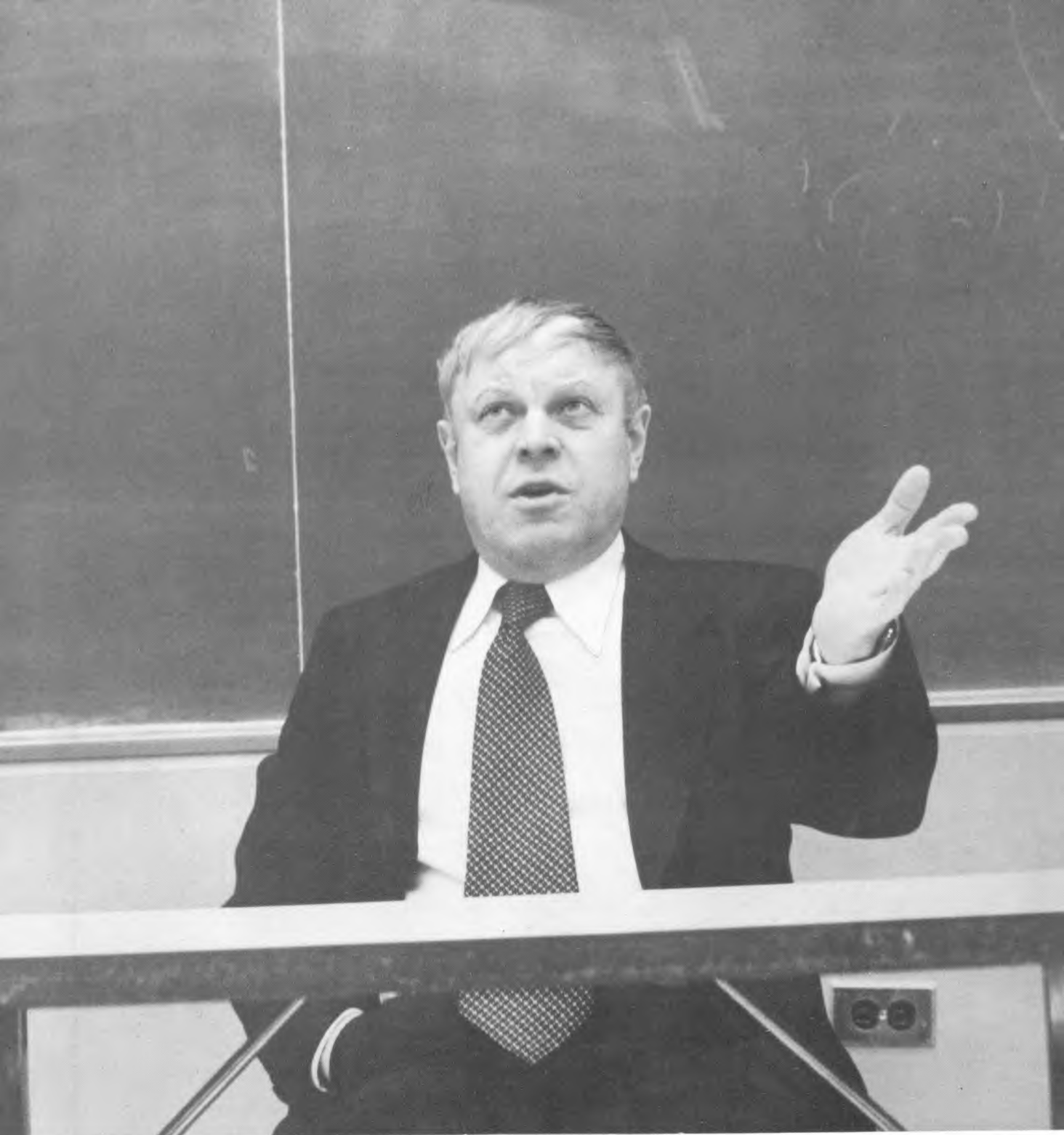
— С тех пор, как вы ее уволили, она живет нормально.

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

Это было лет двадцать назад. В Ленинграде состоялась знаменитая телепередача. В ней участвовали — Панченко, Лихачев, Солоухин и другие. Говорили про охрану русской старины. Солоухин высказался так:

— Был город Пермь, стал — Молотов. Был город Вятка, стал — Киров. Был город Тверь, стал — Калинин... Да что же это такое?! Ведь даже татаро-монголы русских городов не переименовывали!

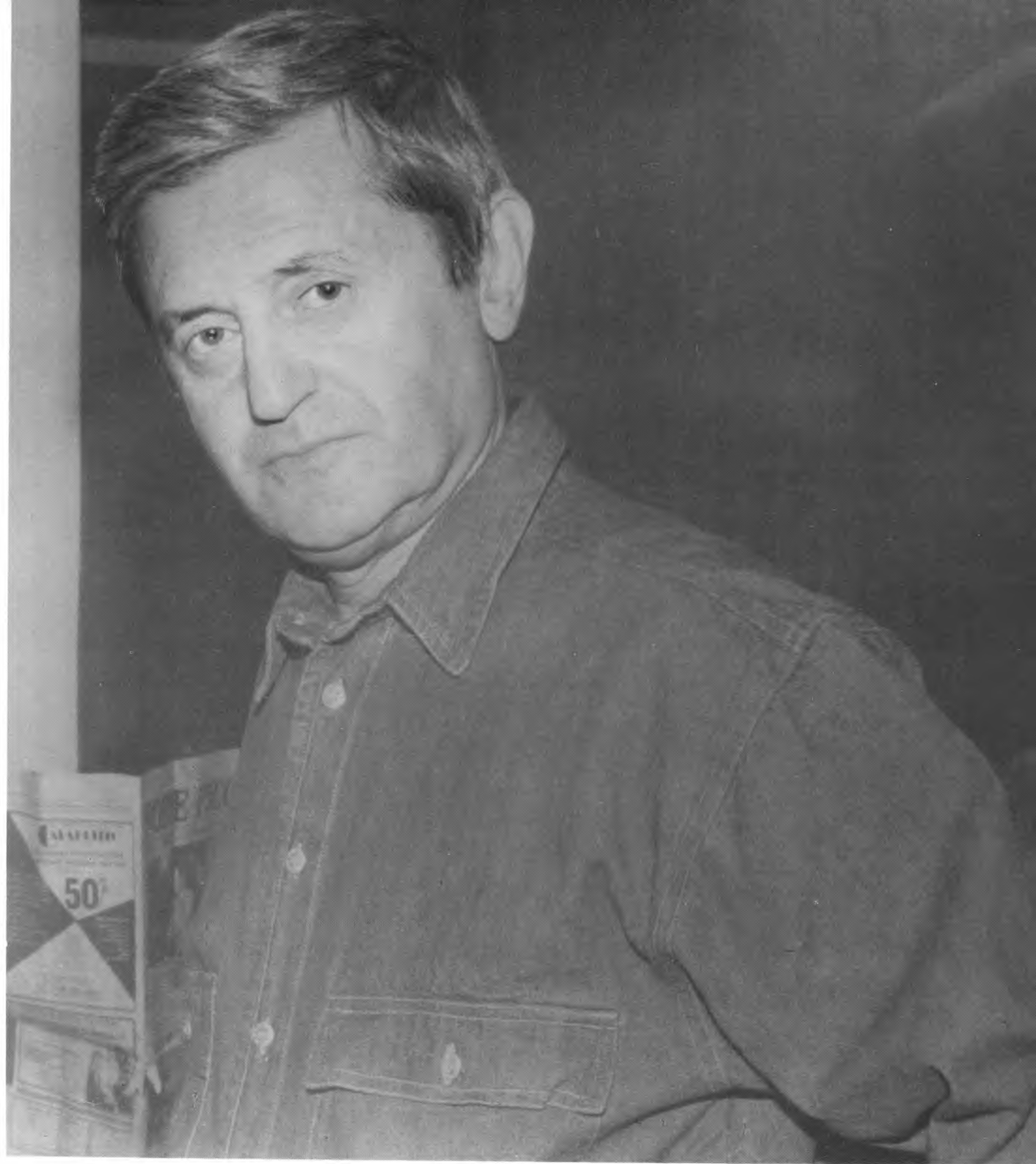
ВИКТОР СОСНОРА

В Нью-Йорке гостил поэт Соснора. Помнится, я, критикуя Америку, сказал ему:

— Здесь полно еды, одежды, развлечений, и — никаких мыслей!

Соснора ответил:

— А в России, наоборот, сплошные мысли. Про еду, про одежду и про развлечения.

ВЛАДИМИР УФЛЯНД

Уфлянд любит одиночество без притворства. Я не помню другого человека, столь мало заинтересованного в окружающих. Он и в гости-то зовет своеобразно. Звонит:

— Ты вечером свободен?

— Да. А что?

— Все равно должен явиться Охапкин (талантливый ленинградский поэт). Приходи и ты...

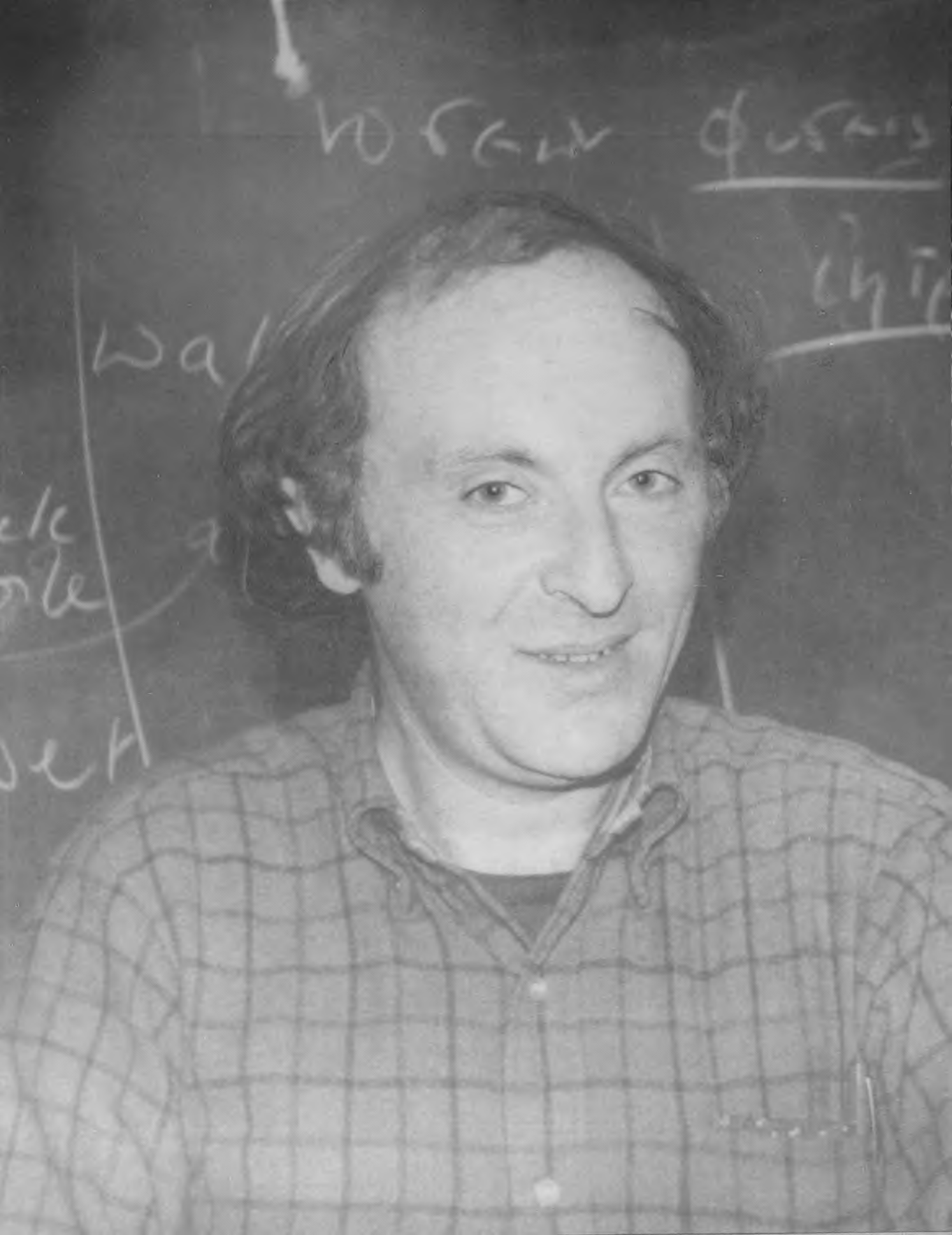

АЛЕКСАНДРИ

ИЗ

ЖИЗНИ БРОДКОТО

Бродский говорил, что любит метафизику и
сплетни. И добавлял:
«Что в принципе одно и то же».

WORLD

QUESTIONS

WAL

etc
ole

set

LHT

Пришел я однажды к Бродскому с фок-стерьершей Глашей. Он назначил мне свидание в 10.00. На пороге Иосиф сказал:

— Вы явились ровно к десяти, что нормально. А вот как умудрилась собачка не опоздать?!

Врачи запретили Бродскому курить. Это его
очень тяготило. Он говорил:
— Выпить утром чашку кофе и не заку-
рить?! Тогда и просыпаться незачем!

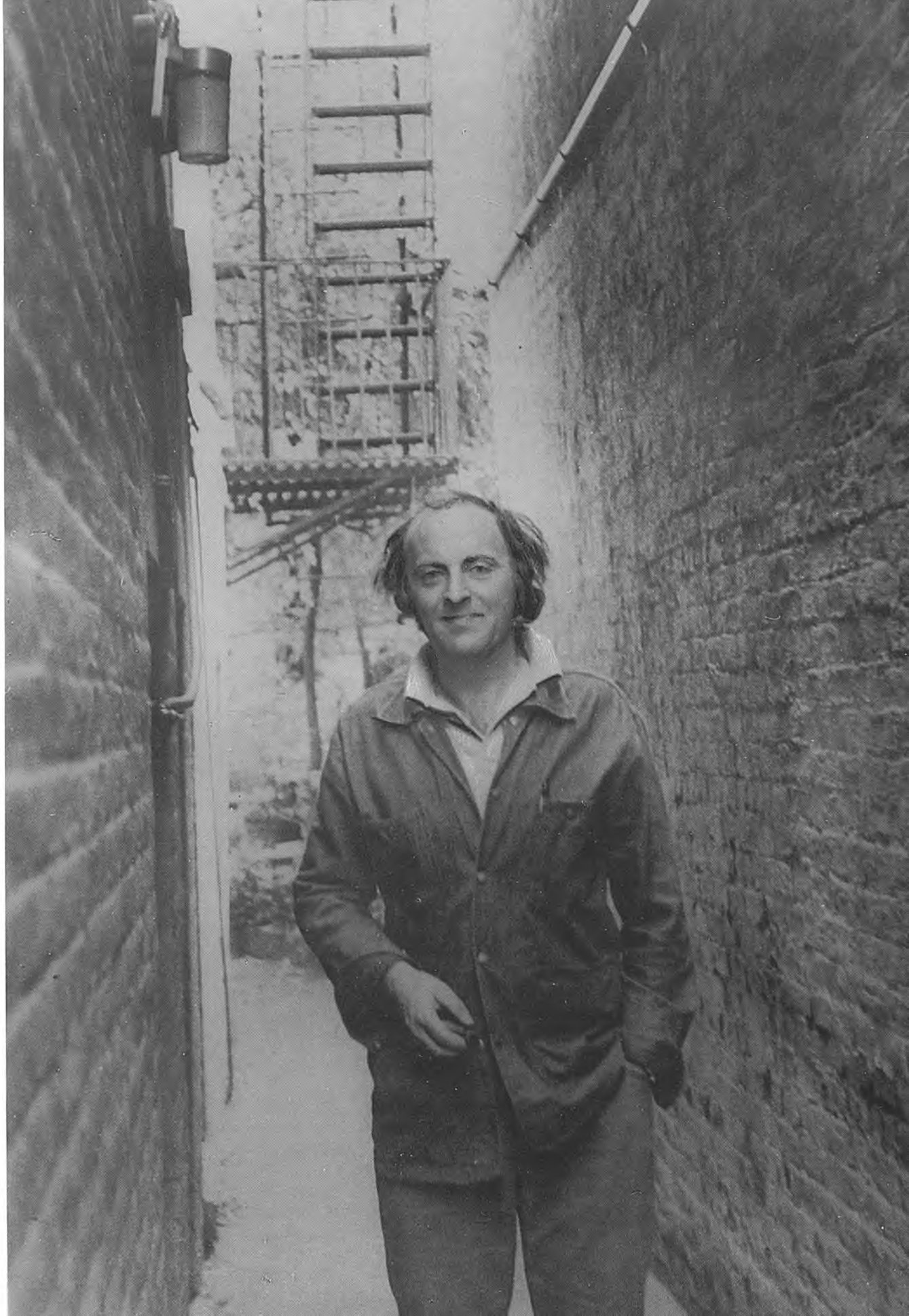

Писателя Воскобойникова обидели американские туристы. Непунктуально вроде бы себя повели. Не явились в гости. Что-то в этом роде. Воскобойников надулся:

— Я, — говорит, — напишу Джону Кеннеди письмо. Мол, что это за люди, даже не позвонили.

А Бродский ему и говорит:

— Ты напиши «до востребования». А то Кеннеди ежедневно бегает на почту и все жалуется: «Снова от Воскобойникова ни звука!..»

У Иосифа Бродского есть такие строчки:

Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать,
На Васильевский остров
Я приду умирать...

Так вот, знакомый спросил у Грубина:
— Не знаешь, где живет Иосиф Бродский?
Грубин ответил:
— Где живет, не знаю. Умирать ходит на
Васильевский остров.

Двадцать пять лет назад вышел сборник Галчинского. Четыре стихотворения в нем перевел Иосиф Бродский.

Раздобыл я эту книжку. Встретил Бродского. Попросил его сделать автограф.

Иосиф вынул ручку и задумался. Потом он без напряжения сочинил экспромт:

«Двести восемь польских строчек
Дарит Сержу переводчик».

Я был польщен. На моих глазах было создано короткое изящное стихотворение.

Захожу вечером к Найману. Показываю книжечку и надпись. Найман достает свой экземпляр. На первой странице читаю:

«Двести восемь польских строчек
Дарит Толе переводчик».

У Евгения Рейна, в свою очередь, был экземпляр с надписью:

«Двести восемь польских строчек
Дарит Жене переводчик».

И все равно он гений.

Дело было лет пятнадцать назад. Судили некоего Лернера. Того самого Лернера, который в 64-м году был заметным активистом расправы над Бродским. Судили его за что-то позорное. Кажется, за подделку орденских документов.

И вот объявлен приговор — четыре года.

И тогда произошло следующее. В зале присутствовал искусствовед Герасимов. Это был человек, пишущий стихи лишь в минуты абсолютной душевной гармонии. То есть очень редко. Услышав приговор, он встал. Сосредоточился. Затем отчетливо и громко выкрикнул:

«Бродский в Мичигане,
Лернер в Магадане!»

Иосиф Бродский говорил мне:
— Вкус бывает только у портных.

Помню, раздобыл я книгу Бродского 64-го года. Уплатил как за библиографическую редкость приличные деньги. Долларов, если не ошибаюсь, пятьдесят. Сообщил об этом Иосифу. Слышу:

— А у меня такого сборника нет.

Я говорю:

— Хотите, подарю вам?

Иосиф удивился:

— Что же я с ним буду делать? Читать?!

У Бродского есть дружеский шарж на меня. По-моему, чудный рисунок.

Я показал его своему редактору-американцу. Он сказал:

— У тебя нос другой.

— Значит, надо, — говорю, — сделать пластическую операцию.

Бродский о книге Ефремова:
— Как он решился перейти со второго аб-
заца на третий?!

Для Бродского Евтушенко — человек дру-
гой профессии.

Иосиф Бродский любит повторять:
— Жизнь коротка и печальна. Ты заметил,
чем она вообще кончается?

Найман и Бродский шли по Ленинграду.
Дело было ночью.

— Интересно, где здесь Южный Крест? —
спросил вдруг Бродский.

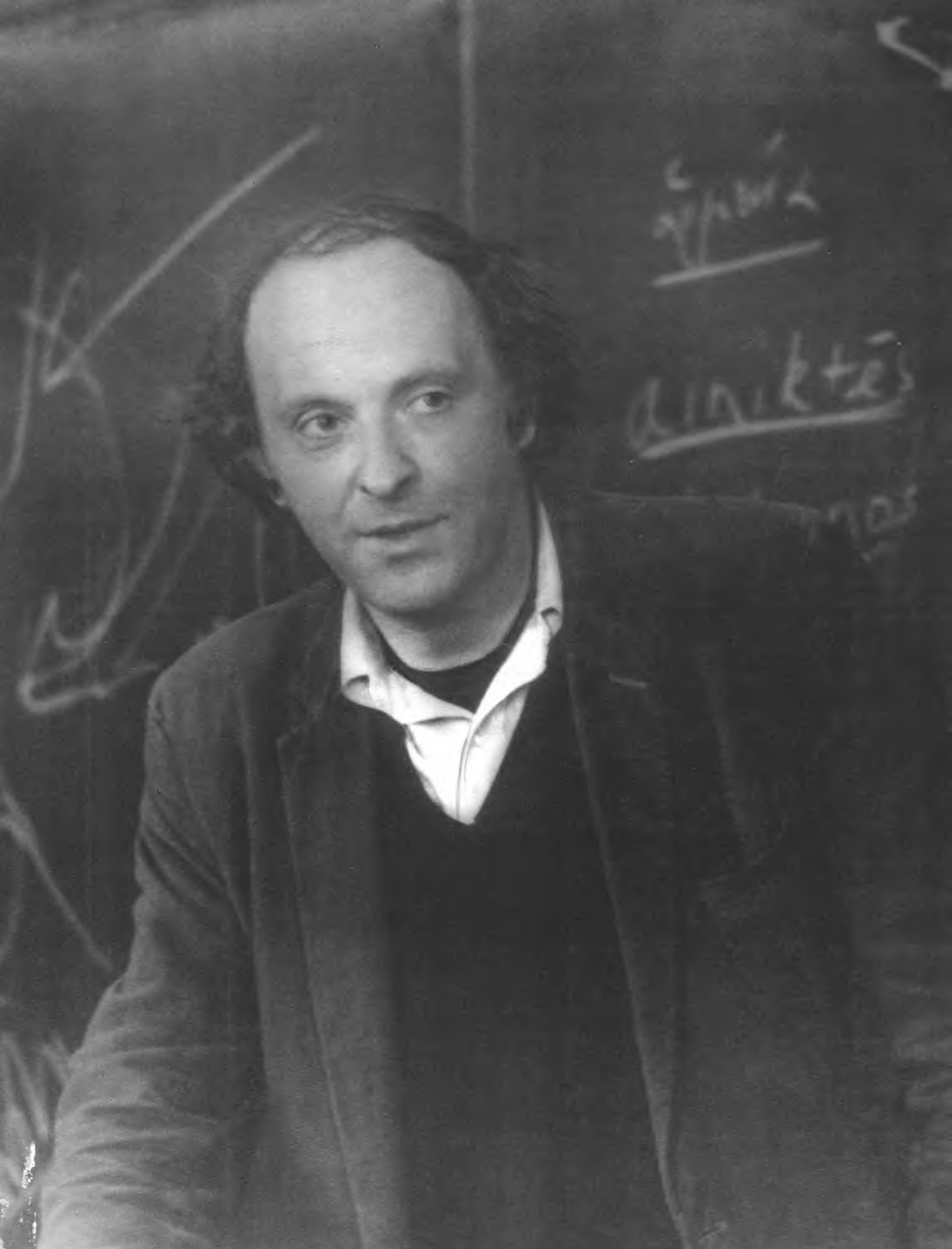
(Как известно, Южный Крест находится в
соответствующем полушарии.)

Найман сказал:

— Иосиф! Откройте словарь Брокгауза и
Ефрона. Найдите там букву «А». И поищите
слово «Астрономия».

Бродский ответил:

— Вы тоже откройте словарь на букву «А».
И поищите там слово «Астроумие».

Шли мы откуда-то с Бродским. Был поздний вечер. Спустились в метро — закрыто. Кованая решетка от земли до потолка. А за решеткой прогуливается милиционер.

Иосиф подошел ближе. Затем довольно громко крикнул:

— Э!

Милиционер насторожился, обернулся.

— Чудесная картина, — сказал ему Иосиф, — впервые наблюдаю мента за решеткой!

Бродский обратился ко мне с довольно неожиданной просьбой:

— Зайдите в свою библиотеку на радио «Либерти». Сделайте копии оглавлений всех номеров журнала «Юность» за последние десять лет. Пришлите мне. Я это дело просмотрю и выберу, что там есть хорошего. И вы опять мне сделаете копии.

Я пошел в библиотеку. Взял сто двадцать (120!) номеров журнала «Юность». Скопировал все оглавления. Отослал все это Бродскому первым классом.

Жду. Проходит неделя. Вторая. Звоню ему:

- Бандероль мою получили?
- Ах да, получил.
- Ну и что же там интересного?
- Ничего.

Помню, Иосиф Бродский высказался следующим образом:

— Ирония есть нисходящая метафора.

Я удивился:

— Что это значит — нисходящая метафора?

— Объясню, — сказал Иосиф, — вот послушайте. «Ее глаза, как бирюза» — это восходящая метафора. А «ее глаза, как тормоза» — это нисходящая метафора.

Сидели мы как-то втроем — Рейн, Бродский и я. Рейн, между прочим, сказал:

— Точность — это великая сила. Педантической точностью славились Зоценко, Блок, Заболоцкий. При нашей единственной встрече Заболоцкий сказал мне: «Женя, знаете, чем я победил советскую власть? Я победил ее своей точностью!»

Бродский перебил его:

— Это в том смысле, что просидел шестнадцать лет от звонка до звонка?!

Бродский:
— Долго я не верил, что по-английски
можно сказать глупость...

Когда горбачевская оттепель приобрела довольно-таки явные формы, Бродский сказал:
— Знаете, в чем тут опасность? Опасность в том, что Рейн может передумать жениться на итальянке.

«В СПЛОШНЫХ КРУГОВОРОТАХ ТЬМЫ И СВЕТА...»

В каком бы ракурсе ни снимала Марианна Волкова своих героев, они изображены ею в этой книжке приватно, по-домашнему, как будто мы побывали с ними на общей вечеринке. Это принципиально важно: застолье во все времена было адекватной формой отечественной культуры.

В застолье вымысел всегда торжествует над фактом, но любой монолог, любые фантазии обрамлены диалогом. Диалог же — это сама материализованная свобода, только через него она и проявляет себя достойно. Достоинство, конечно, своеобразное: гомерическую прихоть воспарившей речи оно чтит больше, чем порядок и норму. Что ему до «конституции куцей», если птенцам, выпорхнувшим из «пустынного квартала» поэтов, обычное расписание поездов может показаться «грандиозней святого писанья»?

Ни собой, ни женой почитатели малых цветов красноречия довольны, разумеется, тоже не были. «Я никогда всерьез к себе не относился. И это ни в коем случае не кокетство», — сказал Иосиф Бродский одному из героев этой книжки. Всерьез относиться к себе было вообще дурным тоном. Полагалось, что это прерогатива графоманов да тяжелых невротиков. Сами стихи назывались «стишками», и иная вполне циническая реплика принималась снисходительнее высокопарной.

Стихотворение Блока «Поэты» было впервые напечатано в журнале «Кривое зеркало». Название, синонимичное представлению о новом искусстве XX века, отказавшемся от идеи прямого отражения жизни, переводящем пародию в жанр философской притчи. Искусство трактовалось как априорно данная, но всякий раз своевольно искажаемая новым творцом, цитата.

Блоковские поэты воспринимают окружающий их «страшный мир» как балаган, восприятие этого мира театрализуется. «Человек будущего», по Блоку, это «человек-артист». В нем отсутствует «гуманная размягченность», он весь во власти надличностного «духа музыки». Избыточность душевной жизни, ее стихийность ищут перманентного внешнего запечатления и находят его, не могут не найти, в жесте, в театрализации бытия.

Собственно говоря, таким, в блоковском смысле, «человеком будущего», «человеком-артистом» всегда был Сергей Довлатов. Правда, в отличие от Блока, современный ему мир он не именовал «страшным», он казался ему того хуже — «знакомым и противным». Жизнь в нем мнилась более безнадежной, чем трагичной. Но если у трагедии есть катарсис, очищение, то как внести гармонию в безнадежность? Способ для этого Довлатов знал один, но универсальный: выставить человеческое безрадостное копошение в смешном обличье. Если от катастрофы спасает лицедейство, то — надо играть.

Театрализованное бытие при тоталитаризме оборачивается показной и кровавой театральщиной. Чтобы направить его в русло любимых нами неподконтрольных стихий, стоило попытаться вновь сообщить ему частный, внегосударственный характер, вернуть его в «квартал поэтов». Проще говоря, — в застолье, в этот редуцированный народный карнавал.

В довлатовском застолье смеются в минуту, когда, может быть, следует всплакнуть. Собравшиеся готовы изображать из себя дураков, перепутавших похороны со свадьбой.

Тайная пружина довлатовских сюжетов взрывает действие в минуту, когда с людьми и на самом деле творится что-то подобное.

Затеваает этот маскарад сам рассказчик. Он же прежде других и рискует, уже преднамеренно следуя обозначенной модели поведения.

Философское обоснование довлатовской эстетики коренится в природе артистизма: маска или грим, наложенные на лицо актера, выявляют характер героя, собственной его сущностью не являясь. Иначе говоря: в искусстве впечатление истинности оставляет то, что по своей природе неистинно. Мысль Ницше, лежащая в основе художественных идей нового времени. Даром, что позаимствована им у Франца-Жозефа Тальма, актера.

Все рассказанные в этой книжке анекдоты в художественном смысле истинны. Они доводят до предела недоволенное в жизни или утраченное ею.

Но, повторим, вымысел-воспоминание в них важнее и сильнее факта.

Кстати привести здесь любимейшую нами сентенцию Хемингуэя: «Стоит только немного выпить, и все становится почти как прежде». Таким же свойством обладают и анекдоты, и иллюстрации этой книжки: стоит ее немного полистать — «и все становится почти как прежде». Для «человека будущего», «человека-артиста» блоковское «далеко» оказалось горьким. Но подкачал не человек, подкачало само будущее. Никакие родимые стихии человечество к вершинам духа не вознесли. Но и не сбросили, слава богу, в бездну. Анекдот скверный, но смешной.

Все вроде бы изменилось в нашем отечестве. И ничего не изменилось. То, что было близким Сергею Довлатову, осталось близким и нам:

Нет, мы не стали глуше или старше,
мы говорим слова свои, как прежде,
и наши пиджаки темны все так же,
и нас не любят женщины все те же.

И мы опять играем временами
в больших амфитеатрах одиночеств,
и те же фонари горят над нами,
как восклицательные знаки ночи...

Так давным-давно, в дни нашей литературной юности писал неизменно восхищавший Сергея Довлатова поэт. Тени их обоих блуждают теперь над сумеречной Невой, в пустеющем квартале поэтов.

Андрей Арьев

СОДЕРЖАНИЕ

Марианна Волкова. Несколько слов об этом альбоме	3
Александр Блок. Поэты	5
ТАМ ЖИЛИ ПОЭТЫ	7
Аксенов Василий	8
Алешковский Юз	10
Арьев Андрей	12
Бахчанян Вагрич	14
Битов Андрей	16
Бобышев Дмитрий	18
Вайль Петр и Генис Александр	20
Вознесенский Андрей	22
Войнович Владимир	24
Волков Соломон	26
Горбаневская Наталья	28
Горбовский Глеб	30
Евтушенко Евгений	32
Ерёмин Михаил	34
Ефимов Игорь	36
Кушнер Александр	38
Лимонов Эдуард	40
Лосев Лев	42
Максимов Владимир	44
Мориц Юнна	46
Наврозов Лев	48
Найман Анатолий	50
Парамонов Борис	52
Попов Валерий	54
Рейн Евгений	56
Рыбаков Анатолий	58
Седых Андрей	60
Солоухин Владимир	62
Соснора Виктор	64
Уфлянд Владимир	66
АНЕКДОТЫ ИЗ ЖИЗНИ БРОДСКОГО	69
Андрей Арьев. «В сплошных круговоротах тьмы и света...»	110

Подписано к печати 31. 03. 98 Формат 84×108 1/16. Печать офсетная .

Усл. печ. л. 11.76. Тираж 3000 экз. Заказ № 83

Лицензия ЛР N 062572 от 29 апреля 1993 г.

Издательство журнала «Звезда»

191028, Санкт-Петербург, Моховая, д. 20.

Марианна Волкова — автор пяти фотоальбомов, изданных в США и России: «Не только Бродский» (1988, с текстами С. Довлатова), «Иосиф Бродский в Нью-Йорке» и «Юрий Любимов в Америке» (1990 и 1996, с текстами С. Волкова), «Жизнь без нас» (1998, с текстами А. Битова) и «Иосиф Бродский: портрет поэта» (1998, текст А. Генца). Фотографии М. Волковой публиковались в «Нью-Йорк Таймс», «Ньюсуик», «Шпигеле», «Эуропео» и других изданиях. Живет в Нью-Йорке.

Сергей Довлатов (1941—1990) — прозаик, журналист, большую часть жизни провел в Ленинграде, в 1978 году уехал в США. Автор многих книг прозы, переведенной на основные европейские и японский языки.